

УДК 316.44

Поворот мобильности в современном обществе как образовательный вызов

Т. С. Власов, Е. Е. Немерюк

Власов Тимофей Сергеевич, аспирант кафедры социологии коммуникаций и управления, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Timoha.Vlasov@yandex.ru

Немерюк Евгения Евгеньевна, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии молодежи, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, evgeniya_nemeryuk@mail.ru

В статье рассматривается основная идея исследования, которая состоит в том, чтобы раскрыть ряд проблем, порожаемых социальной динамикой и мобильностью. Используя методологический потенциал социологии, авторы пытаются продемонстрировать сущность и логику поворота мобильности как метафоры развития современного общества. Показаны радикальные изменения в социокультурной динамике, которые также достигаются современными социальными науками (социология мобильности и другие постмодернистские концепции). Используя методологические подходы социологии образования, формулируется «порядок дня» задач мобильности в сфере высшего образования. Показано, что образовательная сфера тоже становится мобильной, трансформируя характер жизнедеятельности человека, а также актуализируя некоторые особые явления, такие как академическая мобильность. Формулируя «порядок дня» вызовов мобильности для современного высшего образования, авторы демонстрируют горизонт будущих исследований в связи со сложным характером исследуемой проблемы.

Ключевые слова: социальная мобильность, социальная динамика, социальная стратификация, постмодернизм, глобализация.

Поступила в редакцию: 10.06.2020 / Принята: 12.08.2020 / Опубликовано: 30.11.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

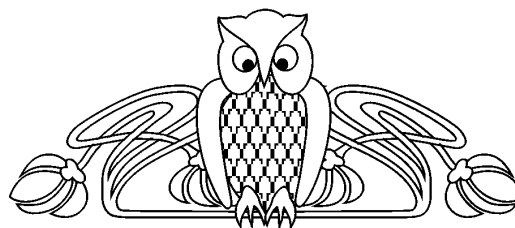
The Mobility Turn as an Educational Challenge in Modern Society

T. S. Vlasov, E. E. Nemeryuk

Timofey S. Vlasov, <https://orcid.org/0000-0003-3858-9538>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, Timoha.Vlasov@yandex.ru.

Evgeniya E. Nemeryuk, <https://orcid.org/0000-0002-0866-2661>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, evgeniya_nemeryuk@mail.ru

The article discusses the main idea of the study, that is discovering a number of problems generated by social dynamics and mobility.

By using the methodological potential of sociology, the essence and logic of the mobility turn as a metaphor for the development of modern society is demonstrated. The radical changes in sociocultural dynamics that are also achieved by modern social sciences (sociology of mobility and other postmodern concepts) are shown. By using the methodological approaches of the sociology of education, the «order of the day» mobility problems in higher education are formulated. It is stressed that the educational sphere also becomes mobile, transforming the nature of human life, as well as updating some special phenomenon, such as academic mobility. The horizon of future research in connection with the complex nature of the problem under study is demonstrated by formulating the “order of the day” of mobility challenges for modern higher education,

Keywords: social mobility, social dynamics, social stratification, postmodernism, globalization.

Received: 10.06.2020 / Accepted: 12.08.2020 / Published: 30.11.2020

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-4-443-447>

Одной из важнейших особенностей современного общества является мобильность. Упомянутое явление необходимо понимать в контексте продуктивных отношений с идеями постмодернизма, а также глобализации в целом. Легко обнаружить, что мобильность становится не только одной из ключевых тенденций глобального мира, но мощным ресурсом развития отдельных людей, а также всего общества.

Майкл Байрам и Фред Дервин пишут: «Особенно с цифровой революцией в середине 1990-х годов и распространение одноименного “мобильного”, а также увеличение глобализации мира, мобильность постепенно стала отделяться от физической мобильности, от понятия домициля и территории, расширяя его область, чтобы включить не только людей и капитал, но также социальные практики, объекты, информацию, знаки, идеи. В результате мобильность теперь интерпретируется как модная концепция, даже миф, вызывающая прежде всего плавность, непрерывность и цельность»¹.

Проблема социальной мобильности становится центральной в исследованиях современной социальной динамики². Это обусловлено трансформацией социальных практик в мобильные, а также актуализированные роли движения для людей и продуктов их повседневной деятельности. Эти факты инициируют дискуссию против методологических ориентаций современных

общественных наук³. При глобальном мировом порядке национальный продукт становится продуктом мирового взаимодействия, и ни одно из правительств не претендует на статус самодостаточности для продуктов, услуг и производства капитала, а также упомянутое расположение требует все более высоких уровней мобильности для предпринимателей, консультантов, студентов и туристов.

Джон Урри (один из главных основателей социологии мобильности) приводит некоторые интересные данные: в 1800 г. средний гражданин перемещался не более чем на 50 м в день из собственного дома, но в настоящее время люди легко перемещаются на 50 км в день; сегодня все люди Земли перемещаются на 23 млрд км в день, и прогнозы показывают, что это число возрастет до 106 млрд в 2050 г. Этот английский социолог подчеркивает, что современные социальные отношения пространственно организованы, и упоминает о структурирующем влиянии на природу социальных отношений, при этом пространство все чаще рассматривается как единство гибких (подвижных) элементов. Дж. Урри отмечает, что радикальная пространственная трансформация современного индивидуального образа жизни происходит и что движения становятся все более и более важными для общества, в котором мы живем сегодня⁴.

Мы хотим подчеркнуть, что первоначальные исследования феномена мобильности проводились во второй половине 70-х – начале 80-х гг. прошлого века. Эти исследования пытались обосновать общие и особые аспекты деятельности движения с учетом социальных, экономических, культурных и политических условий, но современные обращают внимание на динамику мобильности.

Современное общество живет в «координатах» мобильности, и современным индивидуальным потребностям необходимо преобразовать свою повседневную практику, чтобы оставаться в авангарде социального развития, совершать успешные шаги и т. д. Отчеты некоторых международных организаций демонстрируют, что жизненный успех XXI в. зависит от способности людей строить жизненные стратегии (в том числе образовательные) с учетом тенденций мобильности в современном обществе.

Томас Файст обращает особое внимание на упомянутый факт: «Существует также большое беспокойство по поводу государственной политики, предполагающей, что мобильность является ключом к повышению уровня жизни в странах происхождения. В качестве примера можно привести дебаты по вопросам миграции и развития с начала 2000-х годов, инициированные Всемирным банком и принятые другими международными организациями, правительствами национальных государств, Европейской комиссией и различными организациями гражданского обще-

ства... Короче говоря, восприятие состоит в том, что высокообразованные и профессионально успешные люди легко перемещаются через границы и обладают соответствующими компетенциями для трансграничного общения и обмена. Их транснациональное образование и карьера обеспечивают им социальное положение на верхнем уровне социальной лестницы»⁵.

Согласно «повороту мобильности» в современных гуманитарных и социальных науках, мобильность начинает восприниматься как часть личности, информации, идеи, ценностного атрибута. «Большая часть социологии двадцатого века была основана на изучении профессиональной, доходной, образовательной и социальной мобильности. Эта литература рассматривала общество как единую поверхность и не в состоянии зарегистрировать географические пересечения региона, города и места с социальными категориями класса, пола и этнической принадлежности. Кроме того, существуют важные потоки людей внутри, но особенно за пределами территории каждого общества, и эти потоки связаны со многими различными желаниями, связанными с работой, жильем, отдыхом, религией, семейными отношениями, получением преступной выгоды, поиском убежища и так далее. Более того, мобильными являются не только люди, но и многие «объекты», «изображения», «информация» и «отходы». Подвижность, таким образом, следует понимать в горизонтальном, а не вертикальном смысле, и она применима к множеству актантов, а не только к людям»⁶.

Представители многих научных школ осознали важность социальной мобильности в современном обществе. Большинство из них интерпретируют социальную мобильность как одну из ключевых основ повседневного бытия для современного человека, базовую ценность, инструмент для современной политики и т. д.

Зигмунд Бауман писал, что мобильность стала важным фактором социальной стратификации, являющимся материалом для построения и трансформации повседневных иерархий (политической, социальной, экономической, культурной)⁷.

По словам Дж. Урри, интенсивное тиражирование «мобильностей» не так важно, как социальные отношения и создаваемые ими типы социальности. Современная цивилизация перешла на уровень собственной организации, когда общество и отдельные личности становились все более мобильными⁸.

В этих условиях мобильность начинает восприниматься как объективная необходимость выполнения адаптационных процессов в сложной социальной динамике. Таким образом, появляются новые сложные типы общественных отношений.

Следует отметить, что мобильность, создавая непредсказуемый динамический характер

социальных отношений, перестала быть инструментом дезорганизации общества. Настало время для понимания мобильности как феномена, способствующего взаимодействию в современном обществе.

По словам З. Баумана, скорость движения, способность эффективно взаимодействовать на расстоянии, свобода менять местоположение (отсутствие локализованных обстоятельств, легкость их преодоления) являются основными факторами стратификации в глобальном и локальном измерениях. Упомянутый тезис очень важен с методологической точки зрения и полезен для современных общественных наук. Способность двигаться – это онтологическая особенность живой материи, поэтому неподвижного человека нельзя понять как живого человека в XX в. (в метафорическом смысле)⁹.

В то же время Кэтрин Вихтоль де Венден придерживается позиции, что мобильность все еще не может быть воспринята как детерминанта социального развития – процессы перемещения и миграции по-прежнему имеют скромные масштабы, но чем более прозрачны границы, тем более непредсказуемы природные процессы мобильности: «И все же мобильность не является ни вторжением, ни завоеванием, ни подрывной деятельностью богатого развитого мира: только 3% населения мира, 175 миллионов человек, принимают участие в миграции в ее различных формах: воссоединение семьи, беженцы и перемещенные лица, гастарбайтеры, студенты, бизнесмены и специалисты. Чем больше открыты границы, тем больше людей циркулирует и тем меньше они оседают: это приводит к маятниковой миграции, туда и обратно, мобильности как образу жизни»¹⁰.

Таким образом, у нас достаточно аргументов, чтобы сказать, что социальная мобильность личности является условием гармоничного вписывания в современное общество: социальная мобильность человека – важная способность решать фундаментальные проблемы собственного существования, так же как повседневного.

Эту же позицию демонстрирует Адриан Фауэлл, который пишет, что современные теоретики глобализации пытаются рассматривать миграцию и мобильность как основу для своих собственных умозрительных теорий, забывая, что те являются реальными явлениями; основные вопросы глобализации могут быть эмпирически формализованы с использованием концепции миграции и мобильности¹¹.

Трудно избежать факта связи идей мобильности с концепциями философии постмодерна. По мнению большинства представителей этой философской традиции, конец XX и начало XXI в. – это эпоха зарождения нового социального устройства. Новая антропологическая парадигма появилась параллельно.

Марек Квик пишет, что у нового мира, к которому мы стремимся, много имен и семанти-

ческих смыслов: некоторые теоретики называют процессы последних двадцати лет термином «постмодерн» (Лиотард и Бауман, но последний также использует термин «жидкая современность»), другие авторы используют термины «вторая современность» (Бек), «рефлексивная модернизация» (Бек, Хидденс, Лэш), «глокализация» (Робертсон) или «глобальный век» (Уотерс), «сетевое общество» (Кастельс), «знание или информационное общество» (Друкер) или даже «постнациональное созвездие» (Хабермас)¹².

В контексте нашего исследования мобильности в современном обществе мы понимаем постмодернизм в широком смысле как методологическую стратегию.

Например, З. Бауман отмечает следующее о характере повседневной жизни современного человека: «жизнь как игра», поэтому жизненная стратегия может заключаться в следующем: не привязываться к указанному месту, не жить одной жизнью, не иметь одинаковую профессию, избегать стабильности жизни и лояльных отношений¹³.

Мобильные практики становятся нормой современного человека и современного общества. Гибкость выступает самой большой ценностью, когда все компоненты должны быть гибкими и мобильными для легкой групповой (разгруппированной) деятельности; люди должны избегать прочных связей между компонентами; твердость и стабильность являются проклятием современного снижения скорости адаптационных процессов в условиях высокой социальной динамики.

Также Бауман пишет об относительно нестабильной динамической природе социальных связей: если современная «проблема идентичности» заключалась в том, как создать идентичность и сохранить ее прочной и стабильной, то постмодернистская «проблема идентичности» является первичной, как избежать фиксации и держать опции открытыми; лозунгом современности было творение, а лозунгом постмодернизма – переработка.

Анализируя метафоры мобильности в современной социологии, Дж. Урри пишет, что одна из эвристических метафор в социологии является кочевой (или туристической): кочевник – паломник без пункта назначения, путешественник без маршрута, но турист платит за свою свободу, удовольствие от путешествий и умение создавать сеть чувств лично; они оба движутся через инопланетное пространство, они могут быть близки физически, а не психически¹⁴.

В то же время Бауман говорит, что паломники воплощают дух современности: паломник – лучшая метафора современного образа жизни, а кочевник, турист – лучшая стратегия преодоления и фиксации ограничений¹⁵.

Итак, мы рисуем контуры современного сложного социального явления, называемого

поворотом мобильности. Мы показали, что мобильность влияет на большинство сфер общественной жизни, коренным образом трансформируя онтологию современного общественного бытия. Мы учитываем тот факт, что поворот мобильности в современном обществе вызывает актуализацию феномена академической мобильности на фоне понимания студентов как кочевников. Согласно кочевому видению студентов, европейские студенты понимаются как охотники за новым опытом, они мобильны, молоды, способны к сложным адаптационным процессам, к внутренним изменениям, ориентированы на интеграцию международного опыта в целые образовательные результаты, они могут действовать как автономные личности, общественные деятели, исследователи других культур и языков. По оценкам, количество иностранных студентов в мире вырастет до 8 млн в 2020 г.

Упомянутая тенденция имеет как положительные, так и отрицательные стороны. С одной стороны, студенты-кочевники получают новый культурный опыт, становясь носителями общечеловеческих ценностей и глобальных компетенций. С другой стороны, их национальная идентичность становится все более размытой. Кроме того, большинство талантливых студентов встретятся с проблемой остаться в более развитой стране. Трудно представить массовые потоки британских, немецких или французских студентов в менее развитые страны, по крайней мере, для получения образовательного опыта.

В ключевых документах, которые описывают видение будущего высшего образования, утверждается, что мобильность должна быть основополагающим принципом его развития. Академическая мобильность будет способствовать идее открытости будущему, обмену знаниями, глубокому межкультурному взаимодействию, созданию продуктивных связей между образованием и нелинейной социокультурной динамикой. Академическая мобильность может стать средством для гармоничного развития образования, отвечающего вызовам современного общества.

Важно подчеркнуть, что для распространения идей академической социальной мобильности в мировом научно-образовательном пространстве необходимо разработать, теоретически обосновать и внедрить политические инструменты, которые будут в состоянии предоставить нормативные, институциональные и другие аспекты мобильности.

Дэвид Крозье и Теодора Парвева подчеркивают, что необходимо разработать целостную политику, соответствующую широкому спектру таких социальных аспектов, как государственная миграционная политика: «Политика мобильности не может быть создана в вакууме. Хотя все области выработки политики можно рассматривать как взаимосвязанные, это особенно верно в отношении мобильности и ряда областей по-

литики социального обеспечения, в частности иммиграционной политики. Многие страны, которые разработали политику стимулирования мобильности в секторе высшего образования, также внедрили политику по контролю и ограничению иммиграции, но лишь немногие упоминают о какой-либо напряженности или даже каких-либо отношениях между этими областями политики. Действительно, несмотря на тесную взаимосвязь между мобильностью и иммиграционной политикой, лишь несколько стран отмечают внимание к иммиграционному законодательству как средству создания благоприятной правовой среды для мобильности»¹⁶.

В свою очередь, Эрика Раутенфельд подчеркивает, что мобильность стала ключевой характеристикой для всех европейских граждан, но она играет особую роль непосредственно в политике образования: благодаря программам академической мобильности мобильные студенты получают «из первых рук» культурный опыт другого европейца. Страны, которые способствуют пониманию студентами единства и разнообразия, стимулируют формирование собственной европейской идентичности с рациональной связью с собственной культурой и традициями¹⁷.

В рамках исследования мы хотели сформулировать «порядок дня» мобильности в начале XXI в. и продемонстрировать влияние этой тенденции на образовательную сферу. На наш взгляд, современная Европа как идеологическая концепция стала возможной благодаря движению и мобильности. Концепция, которую мы называем европейской идентичностью, была сформирована благодаря движению населения, миграции и обмену (особенно студентами). Европейское культурное пространство также строится на базе мобильного европейского образовательного пространства.

И, конечно же, мобильность как социальный феномен должна быть в центре внимания будущих исследований. В перспективе будущих исследований и дальнейшего рассмотрения поставленной проблемы возникает ряд вопросов: является ли мобильность новой нормой, т. е. заменяет ли кочевничество седентаризм как один из доминирующих принципов общественного порядка? Является ли мобильность действительно универсальным человеком, как говорят нам антропологи? И с социологической точки зрения, правда ли, что пространственная мобильность является маркером успеха в навигации по глобальному миру? Является ли неподвижность признаком недостатка и отчуждения? Что нормализует эта новая норма? В конце концов, именно люди решают, является ли мобильность просто следствием неолиберальной повестки дня или способом улучшить структуру возможностей для перемещения.

Открытость и эффективность программ академической мобильности – важные шаги на этом

пути. Мы понимаем, что академическая мобильность – очень сложное явление, которое не может быть сведено к отдельным шагам, методам и политическим решениям. Академическая социальная мобильность – это не только простой обмен студентами, преподавателями и другими людьми между разными странами. Это сложный, многогранный процесс межкультурного взаимодействия в глобальном образовательном пространстве, который ставит много вопросов для эффективной реализации.

Таким образом, исследование поворота мобильности в современном обществе не может быть успешно отражено в рамках одной научной статьи. Говоря о повороте мобильности в сфере высшего образования, мы видим, что нужно также открыть много граней: академическая мобильность инициирует вопросы в миграционном дискурсе, мультикультурных отношениях, экономической, образовательной политике и др. Данная статья является попыткой инициировать научный диалог вокруг «узлов» реализации поворота мобильности в образовании.

Примечания

- 1 *Dervin F.* Interculturality in Education : A Theoretical and Methodological Toolbox. London : Palgrave Pivot, 2016. ISBN 9781137545435. URL: <https://search.ebscohost.com/login.aspx?direct=true&AuthType=ip,uid,custuid&ustid=s7167233&db=edsebk&AN=1219991&lang=ru&site=eds-live> (дата обращения: 15.05.2020).
- 2 См.: *Ильин В. И.* Всемирный конгресс социологов : лицом к лицу с социальным неравенством // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. 17, № 74. С. 186–197.
- 3 См.: *Ковалева А. И.* Профессиональная мобильность // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 1. С. 298–300.
- 4 См.: *Урри Дж.* Мобильности. М. : Праксис, 2012. С. 78.
- 5 *Faist T.* The Volume and Dynamics of International Migration and Transnational Social Spaces. Oxford : Oxford University Press, 2011. P. 32.
- 6 Цит. по: *Козырева П. М.* Межпоколенная социально-профессиональная мобильность в постсоветской России // Россия реформирующаяся : ежегодник. Вып. 11 / отв. ред. М. К. Горшков. М. : Новый хронограф, 2012. С. 52.
- 7 См.: *Бауман З.* Индивидуализированное общество / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М. : Логос, 2002. С. 182.
- 8 См.: *Урри Дж.* Указ. соч. С. 58.
- 9 Там же. С. 73.
- 10 *Withol de Wenden Ch.* The Frontiers of Mobility. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0013/001391/139147e.pdf> (дата обращения: 15.05.2020).
- 11 См.: *Favell A.* Migration, mobility and globaloney : Metaphors and rhetoric in the sociology of globalization // Global Networks. 2001. Vol. 1, № 4. P. 389–398.
- 12 См.: *Квієк М.* Університет і держава Вивчення глобальних трансформацій / пер. з англ. Т. Цимбала. Київ : Таксон, 2009. С. 235.
- 13 См.: *Бауман З.* Указ. соч. С. 183.
- 14 Там же. С. 184.
- 15 Там же. С. 201.
- 16 *Crosier D., Parveva T.* The Bologna Process : Its impact on higher education development in Europe and beyond. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0022/002206/220649e.pdf> (дата обращения: 17.05.2020).
- 17 См.: *Rautenfeld J. E. (von).* The construction of European identity in higher education in Germany and Great Britain. Marburg : Peter Wiehl, 2011. P. 168.

Образец для цитирования:

Власов Т. С., Немерюк Е. Е. Поворот мобильности в современном обществе как образовательный вызов // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 443–447. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-4-443-447>

Cite this article as:

Vlasov T. S., Nemeryuk E. E. The Mobility Turn as an Educational Challenge in Modern Society. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politologiya*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 443–447 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-4-443-447>